

Делегаты партийного съезда

ТЕПЕРЬ я уже не представляю его творчества без этой романтически-светлой, волшебной повести. И каждый, кто будет читать о Мустая Карима, конечно же, обратится к «Долгую-долгую детству», где башкирский поэт так доверительно и поэтично рассказал о своих ранних годах и о взрослой жизни. И если человек, пройдя уже значительный жизненный путь, много повидавав, оценив, сравнив, сумел с такой неподдельной любовью поведать о родимой зем-

Признаюсь, у меня почти нет отрицательных женских образов. Возможно, такой «пробел» в моем творчестве объясняется тем, что в моем детстве была Старшая мать, которая навсегда осталась для меня воплощением женской доброты и эталоном материнства. А она ведь даже не была моей родной матерью. Наверное, мне повезло и в дальнейшем — жизнь не столкнула меня с характерами женщин, которые заставили бы затаить обиду на другую половину человечества. А может быть, они остались вне поля моего зрения?



Штрихи к портрету Мустая Карима

связи Мустая Карима и вошел в его грудь. Осколком этой же мины был убит боевой товарищ поэта.

А вот строки Мустая Карима из стихотворения 1938 года:

Над Волгой нлубилась
тяжелая мгла,
И волны на отмель
бросали тела.
Труба боевая трубила.
И пуля бойцу
восемнадцати лет
пробила насквозь
комсомольский билет
и грудь молодую пробрала.
В руках у меня
комсомольский билет
и память о друге,
которого нет...

Как видим, в стихотворении отчасти предсказана и судьба самого поэта...

Впоследствии ранение стало причиной тяжелой болезни Мустая Карима. Осколок, жегший грудь поэта, позднее не раз напоминал ему о тех, кто сеет на земле ненависть и вражду, кто готовит новые войны, рассчитывая на то, что у людей плохая память. И Мустай Карим неустанно призывает нас не забывать тех, кто пал жертвой чуждого ненавистничества и вражды. Он активно восстает против жаждающих свергнуть мир в новую бойню. Эти настроения нашли отражение в поэтических циклах 50-х годов — «Европа-Азия», «Стихи о Вьетнаме».

Остается поэтом Мустай Карим и в своих пьесах, и в повестях для детей «Радость нашего дома», «Треножник».

Доброта, лиризм, любовь к человеку пронизывают все творчество Мустая Карима — и его стихи, и прозу. И можно смело сказать, что истоки этих чувств — в детстве поэта, в его ощущении Родины, близких, друзей. С многими из них можно встретиться в повести «Долгое-долгое детство», страницы которой как бы соединяют «детские» и «взрослые» берега жизни поэта.

Но зачем нужно автору постоянно сопоставлять детские впечатления с позднейшим опытом, прошлое — с настоящим? — невольно может задаться вопросом читатель. А затем, видимо, что заложенное в детстве — это на всю жизнь: оно принадлежит не только юной поре. Детство, протяженное во всей человеческой жизни, — может, одна из главных идей творчества Мустая Карима.

И еще один образ встает со страниц стихов и прозы Мустая Карима — его родная Башкирия.

Башкирия, я снова вдалеке
От звезд твоих,
но неразлучен с ними.
Где б ни был,
у меня на языке
всегда твоё
единственное имя...

И в зинную
тайнственную ночь.
Земля, ты не перестаешь
мне снится.
Являясь мне в трех образах,
в трех лицах —
Как мать моя,
жена моя и дочь...

А вспомните каримовский аул с его своеобразным укладом и гордыми, даже высокомерными в своей бедности жителями — «губернаторами» или «помощниками» и заразителное состязание Марагима и Ак Йондоз — сколько во всем этом поэзии, любования родной природой, людьми, с которыми вместе рос, радовался, страдал! Хорошо сказал о Мустая Кариме — певце родной земли его друг Кайсын Кулиев: «Если бы я ничего не читал о Башкирии, кроме книг Мустая Карима, и не видел ни одного башкира, кроме Мустая, то и тогда я мог бы считать, что знаю Башкирию и ее народ... Он тот поэт, который... зажег для нас звезды того неба, которому удивлялся мальчик, лежа на траве».

Достойная оценка в устах поэта. Но, думаю, с ней согласятся и все те читатели, которые познакомились или познакомятся с добрым, гуманным талантом Мустая Карима.

Павел УЛЬЯШОВ

Из мысли и мечты

ла и близких ему людям, значит, он и сегодня не утратил ту чистоту и совесть, что впитал с молоком матери.

Есть у Мустая Карима трогательное стихотворение, где он рассказывает о мальчике «в лапках, в тубетейке потертой», плывущем на пароходе по реке Белой. Мальчику кажется, что он сидит неподвижно, а плывет — круча, берег!

Я — мальчик тот, я!
И сквозь годы
Кричу ему:
— Милый, не верь!
Плывем это мы, а не горы,
А берег все там и теперей...

Удивительно это ощущение себя в детстве как другого человека, хотя и знакомо оно, наверное, каждому. Мне кажется, что и повесть «Долгое-долгое детство» родилась из этого ощущения в себе того, оставшегося за горами лет человека. Недаром сам автор замечает: «И счастливое, и несчастливое детство наше еще долгие-долгие годы следует за нами». И как часто, ведя разговор с нами, писатель окликает и себя того, из другого времени! Впрочем, и время в свою очередь голосом детства обращается к автору:

— Сто-ой, дяденька! —
вдруг через темень,
Сквозь воды, мне —
с палубы той:
— Плывем-то ведь мы,
а не время,
А время, как берег крутой...

Этот образ времени, заключенный в берега человеческой жизни, нередко возникает и в стихах, и в прозе Мустая Карима. «Жизнь не стоит. Что сделаешь? Обидно. Но пролетели юности года, и берегов минувшего не видно», — писал в давнем своем стихотворении поэт. Столь же поэтичным остался этот образ и сегодня, хотя и выражен он в прозаических строчках:

«...Два берега держат течение вод, один — небитие, другой — вечность. И там же, между этих двух берегов, течет сама Замана — Время. А человек кладет на это жизнь — пытается соединить два берега: из дерева, камня, железа, из мысли и мечты строит он мост».

Из мысли и мечты... На творчестве и на героях Мустая Карима (автор говорит, что они такие же, как все, только жизнь их «чуть-чуть выше... быта») сказывается особое, романтически-возвышенное мироощущение. Сам он об этом говорит так:

— Героям моим не свойственны ни жестокость, ни упоение страданием. Однажды столь авторитетный и уважаемый мною писатель, как Мухтар Ауэзов, даже сделал мне замечание, что в моих военных стихах недостает жестокого реализма, ненависти. Ну, вообще-то такого рода стихи у меня были, и фашистов я ненавидел не меньше других, прошел войну и хорошо знаю, что такое фашизм. Но писал я, наверно, больше о героизме нашего солдата. Моя ненависть и презрение к врагу находили отражение в храбрости и доблести советского воина.

Разумеется, и здесь сказывается жизнерадостное, поэтическое мироощущение автора, позволяющее ему, скажем, в обыкновенных деревенских жителях — своих земляках находить черточки, поднимающие их над бесконечными заботами, постоянной борьбой за более или менее сносное существование, по своему живописным, не лишенным примет патриархальности бытом. И вот уже нищий, но гордый мальчишка с Губернаторской улицы в воображении автора превращается в поэта, зажигающего звезды. Именно этот образ подтверждает внутреннее родство поэзии и прозы Мустая Карима, потому что еще в стихотворении двадцатилетней давности можно найти этот несколько сказочный облик:

Бежит мальчишка босоногий
По кромке синевы морской,
Цветная галка,
словно звезды,
Сверкает под его платой.
А дни идут. В иные дали
Мальчишку
Млечный Путь зовет,
Где по его следам,
на галку,
Рассыплет звезды небосвод.

— В моем отчасти отрицательном отношении к жестокому натурализму и бытописательству вообще, — говорит Мустай Карим, — сказывается мое изначальное тяготение к романтике жизни и революционных преобразований 20—30-х годов. Та романтика решительного переустройства мира, о чем я пытался рассказать еще в первой своей поэме «Незнакомый гость», перекидывала мост к будущим испытаниям. А что они грядут, мы уже чувствовали — слишком силен был запах пороха.

В этих испытаниях меня как писателя и очевидца героических военных событий ни могла не увлечь романтика подвига. Причем подвиг в моем понимании — это высшее проявление внутренних сил человека, духовный взлет, взрыв. Подвиг не может быть как обыденным, так и случайным. Человек всей жизнью готовит себя к нему, как, скажем, Александр Матросов. Я даже думаю, что страдания и лишения, перенесенные им в детстве, тоже были одним из факторов, приведших его к подвигу. Такое развитие характера влекло меня и в Прометее — герое моей одноименной трагедии. Потому мой герой должен быть способен на подвиг...

Да, многие герои Мустая Карима романтически-возвышенны, почти сказочны, они действительно «не изжили в себе веру в чудеса». И вместе с тем они правдивы. «Проза поэта» — такое определение отнюдь не радует Мустая Карима. Он говорит, что в нем есть заранее предполагаемая скидка. А он не хочет и не признает никаких скидок ни в поэзии, ни в прозе. И он убежден, что его художнический взгляд на мир столь же правдив, если не более, как и у самого строгого реалиста.

— Писатель познает своего героя, психологию, ум, душу, со-

здавая его, — говорит Мустай Карим. — Однажды я писал пьесу, где действовал председатель, возражающий против объединения колхозов. И вот рисуя я его в самых что ни на есть черных красках: консерватор-де, выступает против прогресса, а образ не поддается. И более того — выходит самым симпатичным из моих персонажей — убеждает, отстаивает свои идеи, свое право на собственное мнение. Это и понятно: он ведь создал этот колхоз, сросся с ним, как дерево с ветвями, и ему больно резать по живому. Я хотел развенчать своего героя, а он учил меня, убеждал в своей правде. И хотя умом я где-то понимал, что он не прав, я не мог не сочувствовать его боли...

Сочувствие людям — одно из необходимейших качеств художника. Мустай Карим обладает им в высочайшей степени. За грубостью быта своих героев он умеет разглядеть и человеческую красоту, и любовь, и самопожертвование. Этим свойствами герои его книг как бы перекликаются друг с другом. Читая, скажем, в повести «Долгое-долгое детство» историю несчастной любви Ак Йондоз и Марагима, этих башкирских Лейли и Меджнуна, мы вспоминаем и трагедию Мустая «В ночь лунного затмения», рассказывающую о том, как дикие обычаи и «рабство духа» погубили жизни молодых влюбленных. А переживая вместе с автором за судьбу юноши-поэта, родившегося, как он считает, «в другой, прекрасной стране», мы вспоминаем и другого поэта и батыра — национального героя Башкирии Салавата Юлаева, которому Мустай Карим посвящает трагедию «Салават». Эпические страницы о раненом бойце перекликаются со строками поэмы «Декабрьская песня», где башкирский солдат Юлдаш Тимирбаев вместе с русскими братьями защищает «последний рубеж» — Москву.

Война была важным рубежом и в творчестве самого поэта.

Надо сказать, что первый сборник стихотворений Мустая Карима «Отряд тронулся» вышел еще в 1938 году. Буквально в канун войны появилась вторая книга — «Весенние голоса», воспевая трудовые подвиги советской молодежи, их готовность встать на защиту Отечества. И все же это были первые пробы пера. Голос поэта возмужал и окреп в героическую военную страду, когда сам он лицом к лицу столкнулся с заклятым врагом и восстал неколюбимую стойкость советского воина.

В повести «Долгое-долгое детство» можно встретить рассказ о том, как автор раненый лежал на поле боя и шумящий над ним дуб казался ему матерью, склонившейся к его изголовью. Эпизод этот не придуман. В 1942 году под Мценском осколок вражеской мины пробил комсомольский билет офицера